

Мстислав
Михалков

Becken 18.

/ По Пет
 инава
 убо то и
 да к
 с риб
 и по
 как

двѣхъ
срѣдѣхъ
ихъ новѣхъ

Мои ДНЕВНИ

МОИ ДНЕВНИКИ 1972-1993

«Иль все пристижось мне?...»

Никита Михалков

Мои дневники

«ЭКСМО»

2016

УДК 791.43.071.1(470)
ББК 85.374(2)6-8

Михалков Н. С.

Мои дневники / Н. С. Михалков — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-90575-1

Это мои записные книжки, которые я начал вести во время службы в армии, а точнее, на Тихоокеанском флоте. Сорок лет катались они со мной по городам и весям, я почти никому их не показывал, продолжая записывать «для памяти» то, что мне казалось интересным, и относился к ним как к рабочему инструменту. Что же касается моих флотских дневников, вообще не понимаю, почему я в свое время их не уничтожил. Конечно, они не содержали секретных сведений. Но тот, кто жил в советское время, может представить, куда бы укатились мои мечты о режиссуре, попадись эти записки на глаза какому-нибудь дяденьке со Старой площади или тётеньке из парткома «Мосфильма». Потому и прятал я дневники все эти годы. Но прошло время. И с такой скоростью, таким калейдоскопическим вихрем изменился ландшафт внешней и внутренней нашей жизни, что мне показалось – эти записи, сделанные то карандашом, то авторучкой, то в одном конце страны, то в другом, становятся определённым документом осознания времени, истории, человека.

УДК 791.43.071.1(470)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-699-90575-1

© Михалков Н. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

От автора	6
Призыв в тумане	10
Перелет	15
Борьба за смирение	18
Дневники и записные книжки	23
Введение к дневникам 1972–1973 гг.	23
Первая тетрадь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Никита Михалков

Мои дневники

© Михалков Н., 2016

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

От автора

Публикация записных книжек никогда не входила в мои планы. Но когда я оказался на берегу Тихого океана, в Краснознаменной Камчатской флотилии, на меня обрушилось такое количество впечатлений, что я просто не мог удержаться от того, чтобы не начать хотя бы фрагментарно их фиксировать. Поскольку понимал, что сохранить в памяти все удивительные ситуации, их детали, тонкости, словечки, речевые обороты было просто невозможно.

Тогда я и начал вести дневник, хотя по армейским законам это категорически запрещено. Когда же, через какое-то время, уже вернувшись с флота, я заглянул в эти помятые тетрадки и увидел, что там написано, меня охватил ужас. Потому что, если бы тогда, когда эти страницы писались, они попали бы кому-то на глаза, это могло иметь для меня самые серьезные последствия. Дело, конечно же, не в том, что я – диссидент, я никогда им не был, а в том, что те зарисовки, которые я тогда вносил в тетради почти ежедневно, при последовательном складывании их в сознании читателя давали, прямо скажем, довольно-таки жуткую картину. И тем более обидно, что эта жуткая картина вырисовывалась в стране, которую я очень любил и люблю.

Сравнительно недавно, работая над сценарием картины «Солнечный удар», я перечитывал «Окаянные дни» Бунина. И поймал себя на мысли, что если бы Иван Алексеевич писал эту книгу по прошествии многих лет своего эмигрантского изгнания по воспоминаниям, в которых уже в известной мере затихла бы боль мгновенных впечатлений от революции и Гражданской войны в России, это была бы совсем другая книга. Возможно, более мудрая и гармоничная. Может, в ней было бы больше «литературной округлости», изысканности и чистоты формы, которой Бунин владел в совершенстве. Наверняка многое было бы «переформатировано», и в книге уже не соблюдалась строгая последовательность событий. Как литературное произведение эта книга могла бы получиться более совершенной, но ушло бы главное – этот нерв, это почти осязаемое ощущение оскорбленного самолюбия русского интеллигента, большого писателя, столкнувшегося не только с разъяренной людской массой, возбужденной революционными идеями, но еще и с трагическим опытом измены и предательства тех, кого Бунин считал той самой, ответственной за судьбы народные русской интеллигенцией, к которой он и себя причислял. Поэтому «Окаянные дни» у многих вызывали отторжение и нежелание узнать в авторе этой книги того, кто совсем еще недавно создавал тончайшую лирическую прозу – рассказы «Солнечный удар», «Митина любовь», «Легкое дыхание»... Образ писателя словно распадался в сознании его читателей, привыкших к иному Бунину. На страницах «Окаянных дней» мы видим человека желчного, озлобленного, оскорбленного, больше не стремящегося ни к какой писательской «высшей объективности», не желающего ни прощать, ни понимать происходящего! И поэтому единственным способом борьбы с тем, что он победить не мог, было его раскаленное слово.

Часто дневники и записные книжки становились настоящим кладом не столько для современников автора, сколько для последующих поколений читателей. В том числе и для серьезных исследователей тех или иных событий в жизни государства. Ведь именно дневники наиболее точно определяют время – у их автора, как правило, не существует внутреннего самодензора.

Когда мы работали с Сашей Адабашьяном над сценариями «Механического пианино» и «Обломова», пришли к одному очень интересному выводу: экранизировать надо не произведение, а автора! То есть главным в работе над текстом должен стать не сам текст, а то ощущение времени, в котором жил автор. А фиксируется это ощущение точнее и ярче всего в дневниках, записных книжках, письмах...

* * *

Признаться, к дневникам своих сверстников (в школе и в институте дневники вели в основном девочки) я относился снисходительно и даже с некоторым пренебрежением. Ну что ты, мол, записываешь каждый свой день – что делал, где был, что ел, с кем разговаривал? Кому это интересно? Разве самому тебе не скучновато?!..

Тогда я не понимал, что дневник – это как дорогое вино, которое со временем начинает приобретать совершенно иное, уникальное качество! А поскольку мне эти мысли в голову не приходили, ни в детстве, ни в юности дневников я не вел. Только оказавшись на Тихоокеанском флоте, на Камчатке, вдалеке от дома, я понял, что столкнулся с совершенно иным, незнакомым мне миром и если хоть как-то не зафиксирую его для себя, он вскоре сотрется из памяти, и восполнить это будет абсолютно невозможно. С этого момента я начал вести записи – иногда фрагментарные и конспективные, порой схематичные, в надежде, что спустя какое-то время я смогу расшифровать их из скороговорки аббревиатур и сокращений.

Собственно то, что можно назвать дневниками, это мои записи во время уникального нашего похода с юга Камчатки до севера Чукотки, который длился 117 суток. Именно это можно в какой-то степени считать дневником. Остальные записные книжки не имеют хронологического или даже логического порядка. Это поразивший вдруг пейзаж. Это раздумье над какой-то ситуацией. Это внезапная сценарная задумка. Это зафиксированное внутреннее ощущение, вызванное либо состоянием природы вокруг, либо общением с невероятно интересным мне в этот момент человеком... Либо возникшая внезапно перед глазами картинка из еще неснятого, и даже незадуманного фильма, но которая сама по себе была так богата, что хотелось специально к ней придумать эпизод и встроить его в новый фильм.

То есть это – записи, которые ведут очень многие люди творческих профессий. Естественно, не хочу ни с кем себя сравнивать, но именно в записных книжках Антона Павловича Чехова в свое время мы с Адабашьяном обнаружили всего одну фразу: «Механическое пианино», и этот образ пианино, играющего само по себе, сразу придал особый аромат и некую фантазмагорическую странность тому усадебному миру, в котором существовали герои нашего фильма по мотивам ранней чеховской пьесы «Безотцовщина». Сам факт присутствия в кадре механического пианино, взрывающегося внезапными аккордами, замечательно иллюстрировал монотонность беспечной и сонной, казалось бы, усадебной жизни, вдруг вспыхивающей страстями.

Я очень редко перечитывал свои записные книжки, а к армейским дневникам не возвращался более 40 лет, и только готовясь к публикации своей предыдущей книги («Территория моей любви»), начал их разбирать, пересматривать и с удивлением увидел, что хотя многие записи и не связаны напрямую с моими кинолентами, но содержат именно те импульсы, которые затем переросли в те или иные драматические повороты сюжета или характеры героев впоследствии написанных сценариев и снятых картин.

Дневник – это как дорогое вино, которое со временем начинает приобретать совершенно иное, уникальное качество!

То есть все это не осталось просто сублимацией тоски находящегося на краю света, вдали от родного дома человека, а оказалось воплощено потом в практической работе.

Впрочем, с огромным сожалением увидел я там и другое: какое огромное количество задумок так и осталось на страницах забытых тетрадок... Но при этом меня посетила и радость осознания того, что многие тогдашние наброски и мысли меня волнуют и сегодня, а значит, есть в них нечто такое, что не подвержено коррозии времени.

* * *

Как я уже говорил, в 70-е годы в Советской армии и на флоте к такому понятию, как дневник, было отношение довольно негативное. Это было связано и с опасностью разглашения секретных сведений, да и просто нежелательно было посвящение гражданских лиц во внутреннюю жизнь армии и флота. Не помню, было ли это прописано в уставе, но и старшины, и мичманы не раз предупреждали, что в наших тумбочках, кроме писем с родины и тетрадок с конспектами занятий, других записей быть не должно.

Но я числился человеком творческим, а кроме того, при подготовке к походу (о котором пойдет речь дальше) и во время похода работал внештатным корреспондентом «Комсомольской правды» и «Камчатского комсомольца» и обязан был писать некие очерки нашего путешествия, этикие идеологически выверенные репортажи-отчеты из всех пунктов маршрута. Таким образом, мое существование с авторучкой и блокнотом стало для командиров вещью вполне обыкновенной, и какие-то тетрадки, ручки и карандаши в моей тумбочке не вызывали никаких вопросов.

Так что писать возможность я имел, но по мере заполнения страниц все лучше понимал, что попади мои записи к руководству, добром для меня это не кончится. Я ведь записывал все, что было мне интересно! Причем никак не фильтровал своих впечатлений, перенося их на тетрадные листы!

Кроме того, в то время я уже готовился к первой полнометражной картине «Свой среди чужих, чужой среди своих» и, если бы не был призван в армию, уже приступил бы, наверное, к съемкам. И так как голова была занята этим, иные мои наблюдения тут же пытались найти свое место в ткани будущей картины... Итак, я вел дневник и не без оснований надеялся, что мою тумбочку «шмонать» все же не будут. Тем более, в ней всегда было много книг, писем, журналов, и это вызывало даже некоторое уважение у офицерского состава.

* * *

Готовя к печати дневники, я совершенно четко понимал, что собственно дневниковый текст, сам по себе, как бы ни был интересен, требует определенных дополнений и разъяснений. Их незачем прописывать, если автор оставляет свои записи «для внутреннего пользования», но необходимо сделать, если записи уже предназначаются для публикации.

Чтобы в настоящем издании рассказ о моей армейской службе был наиболее целостен и полон, а у читателей не возникло впечатления, что они «смотрят кино не сначала», я посчитал нелишним предварить свои армейские дневники рассказом о моем призыве в армию и первых днях службы. Этот рассказ составил когда-то несколько глав моей предыдущей книги «Территория моей любви» – я привожу его и здесь, несколько расширив, но никак не смешивая с текстом дневников.

Из той же книги я поместил сюда по окончании дневника рассказ о своем дембеле и еще некоторые записи, имеющее прямое отношение к армейской теме. А кроме того, добавил несколько любопытных, на мой взгляд, историй, связанных с авиаперелетами на тихоокеанскую службу и обратно.

Сами же записки снабдил некоторыми примечаниями и комментариями на тех страницах, где они действительно необходимы. Порой эти комментарии связаны с моим теперешним несогласием с собой же двадцатисемилетним, излишне категоричным и безапелляционным в оценках людей и событий (дань молодому максимализму). Но чаще комментариев просто вносит пояснение к некоторым фрагментам текста или отдельным словам, именам персоналий, малоизвестным понятиям, в том числе к специально-военным, географическим, этнографи-

ческим терминам либо к специфическим приметам того времени, которые могут быть непонятны современному читателю.

Честно скажу, особенно тревожит меня лишняя категоричность в оценках тех или иных людей, с которыми сводили армейские дороги и к которым сегодня, с позиции зрелого опыта, я отнесся бы совсем иначе. Думаю, «смягчающим обстоятельством» здесь послужит то, что записи эти сделаны человеком в достаточно экстремальных условиях, да еще и не достигшим 30-летнего возраста.

Но «из песни слова не выкинешь», поэтому вымарывать эти суждения и оценки из публикации все-таки не буду (тогда собьется общее дыхание повествования, что-то станет совершенно непонятным), а просто попрошу сердечного прощения у тех людей, которых против своей воли мог чем-либо обидеть. Хотя при наличии здорового чувства юмора и самоиронии обижаться там, надеюсь, не на что. И думаю, читатель почувствует, что, рассказывая о ком бы то ни было, я не испытывал чувства самодовольства или превосходства.

Когда ты оцениваешь людей спустя время – это уже устоявшаяся человеческая позиция, но когда эта оценка фиксируется в тот самый день, когда происходило общение с ними, совершенно естественно она может быть окрашена минутным раздражением, обидой, субъективной спецификой той или иной ситуации... Но нивелировать и смягчать сегодня те мои реакции на происходящее будет не совсем честно, в этом случае и ценность дневниковой записи станет сомнительна.

* * *

По окончании всей моей армейской истории, как дневниковой, так и автобиографической, я поместил в книги записные книжки последующих лет (от 1973-го до 1993-го). В них уже нет такого подробно выписанного и большого «куска жизни», как наш «чубаровский поход» во время моей тихоокеанской службы, но и в них тоже – кажущиеся мне любопытными наблюдения, мгновенные впечатления, размышления о жизни страны и о собственной жизни и многое другое.

Немалое место в блокнотах, которые я вел, уже работая в профессии, конечно же, занимает «поток режиссерского сознания» – наброски будущих сценариев, зарисовки мизансцен, размышления о картинах коллег, описания операторских приемов и актерских ходов. То есть все то, что относится к профессии. Может быть, это пригодится кому-то из моих молодых коллег.

Но обо всем по порядку. Итак, я должен был идти в армию...

Призыв в тумане

Я был приписан в Алабино, в кавалерийский полк, где в основном служили молодые кинематографисты и другие творческие работники, уже получившие творческую профессию. Это было решено априори, и я пребывал в полной уверенности, что именно туда и попаду. Так как я учился и снимался, у меня была отсрочка. Но она перестала действовать, как только я окончил институт. Мне было двадцать шесть лет, и военкомат торопился меня отправить в армию, потому что еще немного, и исполнится двадцать семь, а это уже возраст, после которого призвать на срочную службу нельзя.

Все шло своим чередом. Я снимался у Сережи Соловьева в картине «Станционный смотритель» и ждал окончания съемок. Сережа так рассчитал график, что к моменту, когда меня заберут в армию, он закончит снимать. Хотя, как правило, если актер, который попадал в кавалерийский полк, не успевал закончить съемки, его отпускали на «Мосфильм» завершить работу. Так у меня снимался Кайдановский в картине «Свой среди чужих» – он одновременно проходил срочную военную службу.

Но случились обстоятельства, которые я не мог вообразить даже в самом фантазийном и замысловатом сне. Дело в том, что в это время у меня был роман с Олей Полянской – замечательной девушкой: красивой, нежной, умной, спокойной, с прекрасным чувством юмора и абсолютно потрясающим взглядом на мир, самостоятельным и очень оригинальным. Как выяснилось, единственный ее недостаток заключался в том, что она была дочерью крупного партийного чиновника, кандидата в члены Политбюро. И меня лично это сильно напрягало. Мне не хотелось, чтобы так или иначе моя жизнь, поступки и творческая биография в какой-то мере могли определяться высокопоставленным тестем. Я не знал, как сказать об этом Оле напрямую, что-то мешало мне, и я решил написать ей письмо. В нем я сообщал о том, что очень дорожу нашими отношениями, что бесконечно благодарен ей за те прекрасные дни.

Я несколько раз бывал в их доме и запомнил миленькую старушку, дежурившую у лифта. Мне и в голову не могло прийти, что просто так милые старушки на работу лифтерами в такие дома не попадают. Короче, я отдал конверт с этим письмом этой Марьванне и ушел. Она любезно его приняла, улыбнулась, сказала, что обязательно письмо передаст.

А через какое-то время начали происходить совершенно непонятные для меня вещи.

Особенно когда пришла пора идти мне в армию...

Как только я узнал, что меня забирают в стройбат в Навои, вне себя от возмущения отправился к начальнику сборного пункта. С трудом держа себя в руках, спросил о причине такого решения.

– А твое какое дело? – отвечает он. – Ну, записали тебя сначала туда, а потом сюда. И чего?!

Я говорю:

– Но это стройбат в Навои! У меня два высших образования, я же могу пригодиться в другом месте.

А он усмехнулся в ответ:

– Да ты, Михалков, просто в Москве остаться хочешь?

Это оскорбило очень.

– Какая самая дальняя команда? – спросил я.

– Во флот! На Камчатку не желаешь?!

– Желаю! – выпалил я, не раздумывая. – Записывайте туда!

Теперь настал его черед понервничать. (Видимо, такого распоряжения насчет меня не поступало.) Впрочем, он быстро сообразил, как снять с себя ответственность за мою отправку на Тихий океан.

– Пиши заявление, – протянул он мне чистый лист бумаги.
И я написал заявление...

Капитан-лейтенант, приехавший за призывниками с Камчатки, только начал набирать свою команду, и я остался ждать, когда он ее укомплектует.

Мне не хотелось, чтобы так или иначе моя жизнь, поступки и творческая биография в какой-то мере могли определяться высокопоставленным тестем.

Не знаю, как теперь, но в тот год городской сборный пункт являл собой странное зрелище. Представьте: ворота, проходная КПП, «человек с ружьем», высокий и крепкий забор простирается налево, направо... – короче говоря, огороженное с трех сторон пространство, вход по удостоверению, выход по удостоверению, а тыльная сторона «режимного учреждения» упиралась... просто в лес! Без всякого забора. Точнее, какие-то звенья забора имелись, но в общем и целом забор с тыла был не достроен. Через широкий проем совершенно спокойно ходили товарищи призывников, носилась водка (нередко ящиками!), заходили девушки... В эти душные и дымные в буквальном смысле дни (в это время горели торфяники и Москва была чудовищно задымлена, поэтому стояла практически пустой) меня тоже навещали товарищи – и Паша Лебешев, и Саша Адабашьян... Конечно, приходили они не с пустыми руками.

Постепенно призывники сбивались в команды и отправлялись в разные концы страны, и почему-то только нашу, камчатскую, бригаду никак не удавалось сформировать до конца. В конце концов на городском сборном пункте остались только мы.

В первую ночь я ночевал на ГСП – в пустой казарме, а на второй вечер попросился у дежурного отпустить меня в город. Дал слово, что обязательно к утру вернусь. Причем слово он взял не только с меня, но и с моего сопровождающего.

Здесь необходимо пояснить, что в Москве (не знаю, как во всем СССР) раньше в период призыва на срочную службу практиковался такой метод: некоторые из военнообязанных сотрудников городских предприятий и институтов, вызываясь на сборы, получали задание – помогать военкоматам в организации работы, в частности, присматривать за ожидаю-

щимися своего часа призывниками. Вот и ко мне был приставлен такой «сопровождающий». Это был еще молодой, но уже довольно тучный сотрудник одного из московских НИИ.

Итак, мы отправились с ним в Дом кино. Там я давно уже был своим человеком, для моего сопровождающего это был дебют в пространстве «кинематографической элиты», поэтому он совершенно расслабился – напился до того, что мне самому пришлось его «сопровождать» до дома.

Вернувшись уже самостоятельно на ГСП, там переночевал, но... ни утром, ни в течение дня камчатскую команду снова не сформировали. А поэтому и на следующий вечер я, точнее мы с сопровождающим, вполне закономерно оказались в ресторане Дома кино...

Этот сценарий повторялся несколько дней кряду. День я проводил на ГСП, а вечерами вывозил моего «приятеля поневоле» в Дом кино. Порой даже оставался ночевать дома. Мне казалось, что я уже списан на берег!..

Мой сопровождающий через несколько дней такой своей работы просто изнемогал.

– Уходи ты в свою армию!.. – умолял он после тяжелого похмелья. – Не могу я больше! Пьем каждый день!.. Жена уже косо смотрит!

Я старался его приободрить:

– Может, заберут сегодня!

В один из тех жарких вечеров, когда мы, уже не выходя с ГСП, пили водку, а мой сопровождающий как-то особенно быстро сникал, произошло нечто совсем уже странное.

Кто бывал когда-либо в таких заведениях, как городской сборный пункт, знает, каковы там туалеты, помнит длинные, в десять-пятнадцать метров писсуары с отколотыми плитками, в которых всегда журчит вода.

И вот, зайдя в тот вечер в туалет на ГСП, я случайно заметил в самом углу этого длинного писсуара, как что-то «знакомое до слез» трепетало. Сделав несколько шагов в том направлении, я понял, что это было... Чей-то военный билет.

Осторожно достав этот билет из писсуара, я раскрыл его красные корочки... и обомлел. Военный билет был не «чей-то», а мой!

Здесь необходимо пояснить, что в тот период, когда призывники находятся на ГСП, те люди, которые их отправляют, обязаны иметь их военные билет при себе – с тем, чтобы передать начальнику команды, с которым призывники поедут к месту службы.

И вот я почему-то (без единого свидетеля этого факта!) снова держал свой военный билет в руках. И тут же вспомнил слова мамы: «Если тебе что-то катится в руки просто так и ты без всяких затрат можешь протянуть руку и взять, подумай, сколько из десяти людей от этого не отказались бы. Если насчитаешь больше пяти, откажись».

Я подумал, что намного больше пяти людей воспользовались бы возможностью абсолютно безнаказанно этот билет выкинуть, порвать, спустить в унитаз. Пока медкомиссия, пока то да се... Можно включить еще какие-то рычаги – потянуть время, а в октябре стукнуло бы двадцать семь!..

И вдруг я совершенно отчетливо понял, что это искушение. Я высушил на солнце военный билет и вернул его в расстегнутый портфель мирно спящего моего сопровождающего.

На другой день, чтобы как-то разнообразить наш досуг, я предложил:

– Хочешь, с Высоцким познакомлю?

– Да ладно!..

Тут же вспомнил слова мамы: «Если тебе что-то катится в руки просто так и ты без всяких затрат можешь протянуть руку и взять, подумай, сколько из десяти людей от этого не отказались бы. Если насчитаешь больше пяти, откажись».

Мы пошли на Таганку. Спрашиваю на вахте:

– Володя здесь?

– Да, здесь.

– Пожалуйста, скажите ему, что Никита пришел. Я в армию ухожу.

Высоцкий спустился, причем сразу с гитарой, спел нам несколько песен, мы выпили... Помню только, что на сборный пункт я транспортировал сопровождающего уже на троллейбусе.

В тот вечер я остался ночевать там – так как на другой день нужно было улетать.

Однако вернемся к первопричине этих и последующих приключений, то есть к старушке-лифтерше. Конечно (и совершенно естественно!), старушка передала эти письма, так сказать, кому следует. Их посмотрели. Не знаю, показывали ли их отцу Ольги или все решалось не на столь «высоком уровне», но с этого момента (о чем я узнал позднее, когда через много лет просматривал архивные документы, связанные с этой историей) я был включен в список неблагонадежных, от которых очищали Москву в связи с приездом Никсона, президента Соединенных Штатов.

Конечно, мне было весьма лестно, что я занесен в списки тех, кто под памятником Маяковскому вольнодумные стихи читал, да только я там никогда в жизни не был.

Проститутки тогда отправляли за сотый километр, а неблагонадежных, как могли, рассовывали, так сказать, куда попало. Вот таким образом вместо кавалерийского полка я чуть не угодил в стройбат, да вовремя уехал на Камчатку.

...Стоя перед разглядывающим меня с удивлением начальником ГСП, я успокаивал себя: «Что ни делается, все к лучшему. Когда еще за казенный счет я смогу выбраться на Камчатку и побывать на Тихом океане!»

Перелет

В сформированной наконец команде новобранцев я был самым старшим. Это и по виду чувствовалось: все-таки мне – 26, а остальные – еще пацанва, по 18–20 лет. Прибыли в аэропорт Домодедово...

Нам предстоял чартерный рейс на «Ил-18». Кажется, с тремя посадками. В Новосибирске, Хабаровске и Якутске. Конечным пунктом путешествия должен был стать аэропорт Елизово, в тридцати километрах от Петропавловска-Камчатского.

Я был в кожаной куртке – широкой, летчицкой, с большим количеством карманов. И везущий нас каплей, мужик небольшого росточка, совершенно очумевший в Москве, уже крепко попивший, окинул эту куртку с множеством карманов несколько стеклянным взглядом и спросил:

– Ты водку взял?

– А что, можно?

Он не сомневался ни секунды:

– Давай беги, бери водку!

Не спросил даже: есть у меня деньги, нет у меня денег. Просто отправил и все.

Деньги у меня были. Я взял такси и домчался до ближайшего поселка, где был продуктовый магазин. Там я набрал водки, сколько в карманы влезало. Наверное, бутылок семь. А куртка широкая – не очень заметно, если равномерно по карманам рассовать.

Вернулся в аэропорт к каплею. У того один вопрос: «Привез?» – Привез.

Вскоре началась посадка в самолет. Каплей посадил меня рядом. В салоне – одни новобранцы, человек 150 примерно. Вот взлетели, «отстегните ремни», и каплей сразу – «Давай!...».

Я вынул водку, он принял на грудь стакан, еще побыл при памяти минут пятнадцать, и... больше я его живым не видел. Верней, поначалу он изредка еще просыпался, но тут же выпивал и снова «уходил в небытие»... А всех пассажиров удаляют же из самолета на стоянках. И вот я оказался в нашей команде, по сути, единственным, который мог бы, если не командовать (на это я и права не имел), то по крайней мере взять на себя хоть какую-то организацию.

Ребята-новобранцы так до конца и не поняли – кто я, что я. Видели, что я с каплеем сидел, что мы беседовали поначалу с ним и даже выпивали. И, конечно же, ребята решили, что я тоже из командного состава.

Я разделил их на пятерки, назначил ответственного и сказал: вот, братцы, мы стоим здесь час, можете пока перемещаться в пределах аэропорта как угодно, но через час – вы здесь.

– Конечно же, я не могу вам запрещать выпивать, – говорю. – Просто поймите, что если кто-то отстанет, то всем будет хреново.

Они вняли моим речам. Разбились по пятеркам и вышли в аэропорт...

Тогда первый раз в жизни увидел я одну занятную картину. В 70-е повсюду на вокзалах и в аэропортах стояли одеколоновые автоматы, но здесь впервые я увидел, как люди, после того как опускали в автомат монетку, вместо того чтобы поодеколонить лицо или иные части тела, просто разевали рот на уровне той пипочки, откуда брызгался тройной одеколон, и в них заливалось сколько положено. Если было мало, клиент опускал еще монетку (кажется, 15 копеек).

А ведь гульнуть последний раз – святое дело! Но гульнуть за сотни верст от дома, в чужом городе...

Так мы выходили на каждой стоянке-заправке. После первой остановки человека три были уже не совсем вменяемы, поэтому в следующий раз их оставили в самолете (в компании

храпящего каплея). Так мы с грехом пополам, но в целости-сохранности и без особых происшествий долетели до Елизово.

Надо заметить, что быстро сориентироваться в ситуации и организовать ребят мне помогло то, что еще в Щукинском училище я ставил спектакли, а затем во ВГИКе снимал курсовые и дипломный фильмы, в работе над которыми организаторские способности были нужны и важны. Они уже стали частью моего характера. Поэтому то, что я «построил» брошенных и предоставленных судьбе ребят, было достаточно естественным шагом для меня.

К прилету в Елизово наш каплей немножко оклемался, но был, что называется, нехороший. Мы выгрузились, было объявлено общее построение, и перед зданием аэровокзала мы встали в три шеренги – совершенно разваленные, не очень трезвые, не очень выпавшиеся. В общем, больше похожие на бригаду зэков, чем призывников. Каплей же вовсе, кажется, не представлял, что с ним все это время происходило, и, так и пребывая в состоянии общего напряжения и недоверчивости, видимо, во избежание лишних проблем... сдал меня патрулю.

Конечно, от меня тоже пахло, но я был в полном сознании! Причем всю каплееву работу проделал, и довольно ответственно. Уж не знаю, сдал он меня патрулю «по пьянке» или в похмельном синдроме – объятый иррациональным ужасом или попросту все еще был невменяем: то, что мозгу у него происходило, я не ведал. Напести обо мне патрулю он мог все что угодно. Но зачем?! Может, успел узнать от кого-то из ребят о том, что я, по сути, исполняя всю его работу, разбивал их на пятерки, а после пересчитывал, и, опасаясь моего откровения в ответ на чей-то возможный вопрос, почему призывников сопровождал не ответственный офицер, а такой же призывник, как и все они, каплей «подстраховался» – оговорил меня перед патрульными и сдал им на руки.

Когда в комендатуре все-таки разобрались – что да как – и выяснили заодно, куда меня распределять, в аэропорту никого из ребят уже не было. А вместе с ними и низкорослый кап-

лей исчез из аэропорта и из моей жизни навсегда. Но я запомнил на всю жизнь эту его трусливую неблагодарность, притом абсолютно не соответствующую моим представлениям о том, что такое офицер, тем более – морской офицер. Здесь же, рядом со мной, оказалось какое-то рыхлое, очень недалекое, безвольное и боязливое чмо. Ну что ж, бывает...

Никакого наказания я не понес. Ведь призывников нельзя наказывать до принятия присяги. Поэтому меня довольно резво отправили из комендатуры в полуэкипаж, где я и начал свою службу. Из тех ребят, что летели со мной в самолете, там оказалось всего человека три. Они были совершенно изумлены тем фактом, что я приступил к срочной воинской службе в звании матроса вместе с ними. «Мы-то думали, ты вместе с командиром! – качали головами. – А ты служить, что ли, тоже?» Я же словно не понимал их изумления: «Служить, ну да».

И не только у этих троих, а практически у всех ребят, еще когда я, совершенно неожиданно для них, встал в строй вместе с ними на построении у аэровокзала, возникла – и, казалось, совершенно естественно! – жгучая досада, что я управлял ими, не будучи «начальником», а значит, ими был упущен шанс послать меня куда подальше и в Новосибирске, и в Якутске, и в Хабаровске. Послать и вести себя как угодно. А там уж «однова живем», как говорится, – все равно в армию уходим. Мое несанкционированное «руководство» теперь вызывало в них негодование и ревность. Такой же засранец и гражданский шпак, как и они сами, ими командовал, распоряжался, не давал нормально выпивать! А ведь гульнуть последний раз – святое дело! Но гульнуть за сотни верст от дома, в чужом городе...

Только позже я понял, до какого все это могло дойти куража безысходного... Причем все это и для аэропортов, и для самолета, и вообще для Аэрофлота с его жестким ответственным графиком могло кончиться достаточно неприятной историей. Да и для самих ребят, не говоря уж о капле, который вполне мог за серьезное ЧП, случившееся по его вине, поплатиться карьерой.

Но, едва я встал в строй в Елизово, по рядам полетел такой изумленный и злой ропот, что на мгновение мне стало не по себе. Я же, напротив, удивлен был тем, что они не только не испытывали ко мне и малейшей благодарности, но горячо поддержали каплея, когда он сдавал меня патрульным.

Смешно вспоминать, но каплея этого я потом даже искал. Вернее, бдительно посматривал по сторонам во время службы – вдруг где-то встретится? Да так и не привелось глянуть ему в глаза никогда.

Борьба за смирение

...В армии я полюбил писать письма. И не потому, что ты отправляешь знакомому или любимому человеку весточку о себе, а потому, что, сев за стол, начав писать, ты невольно формулируешь все то, что волнует в этих новых для тебя условиях: новые ощущения, новые отношения, новый быт, абсолютно новый взгляд на самого себя, твое новое положение в окружающем мире – непривычное, странное, иногда обидное, но невероятно важное для постижения сути твоего существования. К примеру, то, что, будучи человеком с двумя высшими образованиями, уже снявшимся в определенном количестве фильмов и достаточно известным в кинематографическом мире (да еще с такой фамилией), оказавшись на плацу, в строю, перед старшиной первой статьи Толиком Мишлановым, ты совершенно растворялся в общей массе людей в бескозырках. Поначалу это было очень тяжело.

Дело даже не в том, что тяжело вскакивать с койки по команде «Подъем!» или бегать по плацу в сапогах, а тяжело с точки зрения принятия своего бесправного положения. И здесь невероятную помощь мне оказывали усвоенные в детстве уроки: отцовское «От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся» и поразительной мудрости слова матери: «Никогда не обижайся! Если тебя хотели обидеть, не доставляй удовольствия тому, кто этого хотел, а если не хотели, то всегда можно простить».

Именно эти два правила стали для меня в определенном смысле оберегами, теми спасительными маяками, помня о которых я научился и смирять гордыню, и управлять своим горячим характером. Причем не из страха наказания, наоборот! (Неотвратимость наказания мне обычно только добавляла куражу.)

Поначалу эта борьба за смирение проходила совсем нелегко. Но постепенно я приучил себя даже получать от этого удовольствие. Как ни странно, я взял за основу образ Швейка, такого нарочито исполнительного дурака. Сначала это было похоже на игру, а потом я вошел в этот образ, и он мне показался невероятно привлекательным и удобным, для того чтобы существовать в этих условиях достаточно свободно и легко. Занятно, что эта покорность и смирение поначалу вызывали настороженность (и даже некий злой азарт) у старшин, которые распоряжались в нашем экипаже. Они интуитивно чувствовали что-то не совсем естественное в том, с какой легкостью и удовольствием человек кидался выполнять их бессмысленные приказы, такие, например, как «продувать макароны» или что-то вроде того. Тогда приходилось хитрить.

Например, к тому времени я давно бросил курить (причем бросал не один раз), но перекур для тех, кто начинает служить в армии, – святое дело, равно как обед и киносеанс. И вот как-то во время занятий строевой подготовкой на плацу старшина Мишланов объявил перекур, и все расселись на травке около плаца, рядом с бочкой для окурков. Поискав глазами некурящих, Мишланов быстро выхватил меня из общей массы и сказал: «Матрос Михалков, тебе все равно делать нечего, сбегай, принеси мне...» – уж не помню что – сигареты, спички, свежую прессу, бушлат или что-то другое. То, за чем он меня посылал, было как минимум на другом конце плаца. А кто не знает: по плацу если один, то бегом, если вдвоем, то строем. Просто так прогуливаться там, по крайней мере у нас, было категорически запрещено. Вот я так пару раз побегал то за этим, то за тем (все курят – я бегаю, приношу, докладываю), и в один прекрасный день, едва при очередном перекуре Мишланов собрался меня куда-то отправить, я говорю:

– Извините, товарищ старшина, я курю.

– Как? Ты же не куришь!

– Нет, уже курю.

И тут же стрельнул у кого-то папироску, прикурил и тем самым как бы снял вопрос о том, должен я или не должен куда-то бежать. Ведь я, как и все, в настоящий момент имею право отдыхать: я и сижу курю.

Таких случаев было довольно много, когда, не конфликтуя и не споря, что только озлобляет человека, имеющего над тобой власть (особенно в армии, особенно «деда», как называли и называют до сей поры старослужащих), ты разворачиваешь в свою пользу ситуацию, при этом развивая у себя ту самую смекалку, которая в других условиях, более тяжелых и серьезных, частенько выручает солдат.

Итак, письма были единственной отдушиной. Я постепенно втянулся в переписку, особенно с братом. Мне казалось, что мой монолог в письме чудесно превращался в диалог с ним. Рассказывая ему о своих невероятных испытаниях, я представлял, как он все это слушает и что может ответить.

Постепенно это вылилось в довольно оживленную переписку, которая очень помогала мне осмысливать свои впечатления, заодно эмоционально освобождая от них мою душу.

Впрочем, вскоре мне стало не хватать эпистолярной отдушины, и я завел дневник и вел его почти каждый день. Особенно часто делал записи во время похода с юга Камчатки до севера Чукотки...

Эта сложнейшая экспедиция была организована благодаря Зорию Айковичу Балаяну, в будущем – писателю и общественному деятелю, в те времена работавшему на Камчатке врачом. Так что я благодарен судьбе, забросившей меня на берег Тихого океана, в том числе за встречу с этим уникальным человеком.

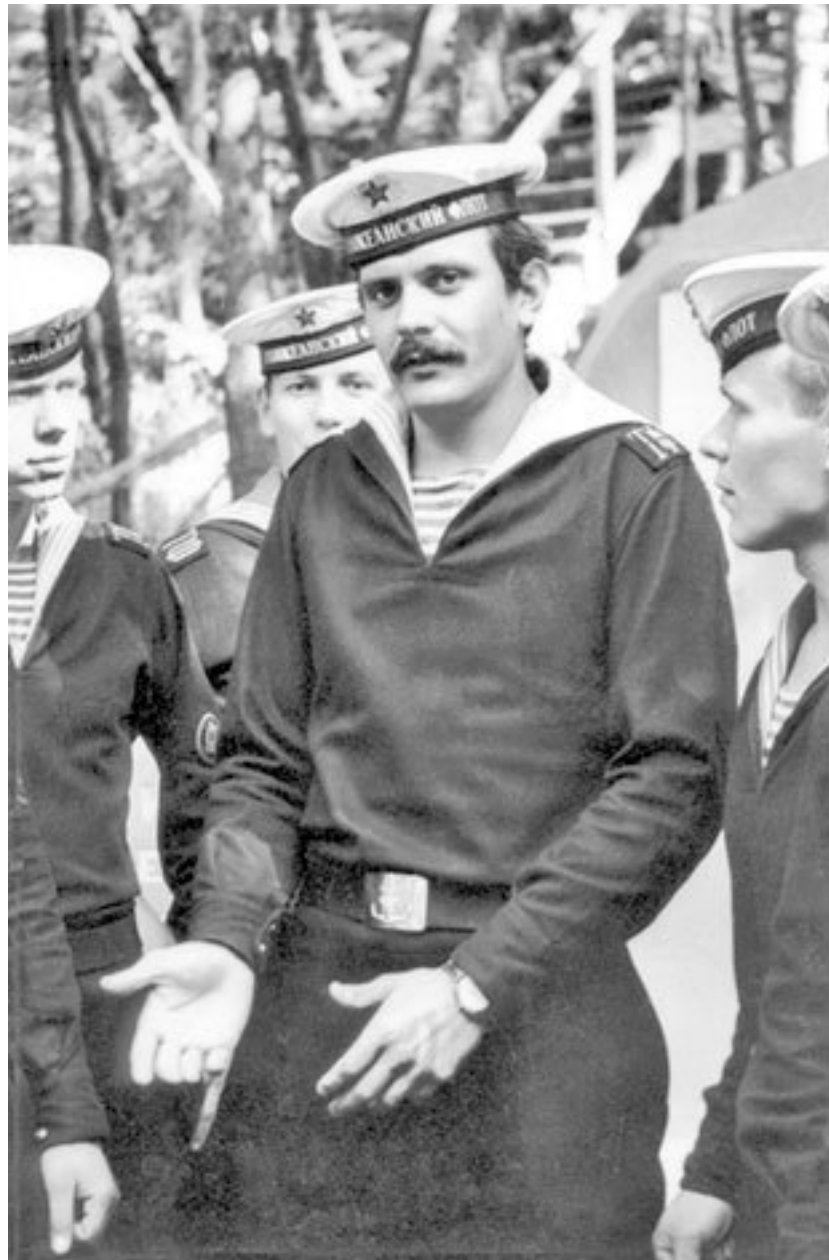
Старший матрос Михалков с товарищами по оружию на Тихоокеанском флоте. 1972 год.

...Я хорошо помню, как мы – мой непосредственный начальник, с которым мы быстро сдружились, капитан первого ранга Вячеслав Пантелеев и капитан-лейтенант Котилевский, работавший в штабной разведке, – в конце лета 1972 года чуть ли не ежедневно выходили на небольшой яхте «Дельфин» в знаменитую Авачинскую бухту. Мне тогда посчастливилось по выходным, когда я получал увольнительные, несколько раз выходить с ними на яхте в открытый океан. Вскоре к нам присоединился и Зорий Балаян.

Вот что писал Зорий о тех днях наших походов в своей книге «Белый марафон»: «Дух захватывало каждый раз, когда приближались к Трем Братьям – трем гигантским скалам, стоящим бок о бок у входа в открытый океан. Туда нас всегда тянуло – на простор, где и цвет воды другой – более небесный, где и волны покруче, и белые «барашки» поболее и покрупнее! Но слишком маленький наш «Дельфин». Он даже меньше тихоокеанского «барашка». Да и не делается это просто так – захотел и вышел в океан. А главное – тогда у нас была другая цель, другая дорога».

Скалы «Три брата» в Авачинской бухте у выхода в открытый океан

С однополчанами

Да, тогда у нас была другая дорога. Однажды на яхте Зорий вдруг сказал, что скоро сделает мне замечательный подарок. Он попросил капитана «Дельфина» выйти из Авачинской бухты на несколько кабельтовых в открытый океан. И уже там попросил, чтобы я спел из фильма «Я шагаю по Москве» строки: «А я иду, шагаю по Москве, / Но я пройти еще смогу / Солёный Тихий океан, / И тундру, и тайгу...». И, когда я выполнил его заявку, уверенно провозгласил: «Вот, походили по Тихому океану, но несомненно пройдем вскоре и тундру, и тайгу!»

Через несколько месяцев мы углубились в тундру... Я и впрямь получил, может быть, самый бесценный подарок в моей жизни. Слова гениального Гены Шпаликова из песни, которую я пел в фильме «Я шагаю по Москве», песни, которую пела вся страна, оказались пророческими.

Дневники и записные книжки

Введение к дневникам 1972–1973 гг.

Итак, работавший в то время главврачом спортивного диспансера в Петропавловске-Камчатском Зорий Балаян обратился к дальневосточным властям с абсолютно идеологически выверенной инициативой. Зорий просил помочь ему в организации похода «по огненным вехам», как любили тогда выражаться, отряда большевика Григория Чубарова, который устанавливал в годы Гражданской войны здесь советскую власть. Почин Зория, спустя неизбежное время бумажной волокиты, был поддержан и местными партийными органами, и комсомолом. К походу «по местам революционной и боевой славы» незамедлительно были привлечены редакции газет и радио. Необходимое содействие обещали и войска – ведь маршрут экспедиции пролегал по весьма суровым местам, где могли потребоваться армейские тягачи и вертолеты, и даже оружие – в качестве защиты от диких зверей.

Таким образом, и я, как матрос срочной службы, отвечающий за исправность и сохранность оружия, был экспедиции Зория придан. В моем ведении были карабины СКС, ракетницы, цинк с патронами и пистолет Макарова с двумя снаряженными обоймами. Я, естественно, отчасти напросился сам, пообещав по совместительству исполнять и обязанности спецкора – то есть писать репортажные очерки о нашем путешествии в «Комсомольскую правду» и «Камчатский комсомолец» и отправлять их в редакции из всех пунктов нашего маршрута.

Командир Красной армии Г. И. Чубаров

Зорий назвал эту экспедицию «Карабах» – в честь своей малой родины. С нами шли один журналист, один представитель обкома комсомола (звали его, кажется, Евгений Милявский) и один... поэт. Да, да, национальный корякский поэт – Володя Косыгин (литературный псевдоним – Каянта). Этот сорокалетний путешественник оказался самым колоритным моим спутником, что, надеюсь, будет очевидно из самих записок.

Позднее к нам присоединились и мои коллеги, региональные киношники. Дело в том, что хабаровская телестудия решила снять научно-популярную короткометражку, цели и художественные задачи которой припоминаю уже смутно. Фильм, кажется, должен был быть связан и с нашим путешествием, и с революционным походом Чубарова, и с восторженным освеще-

нием всего того, что уже сегодня, «в период развитого социализма», происходит в городах и весях, куда Чубаров привел некогда советскую власть.

Оператором был хабаровчанин Гена Лысяков. Меня же студия поначалу планировала в качестве режиссера, ходатайствовала об этом у командования округа, но так и не получила согласия – и я, отсняв несколько первых сцен для их фильма (кстати, в невероятных погодных условиях, при температуре –50 °С, в жуткую пургу и почти без света), с чистой совестью оставил эту работу и впредь ограничивался дружескими консультациями.

Но все это случится только через несколько месяцев нашего похода, который, как я только потом понял, дал мне столько, что трудно было себе даже представить. Это касается и творческих идей, и человеческого опыта, и тесного общения с суровой природой, и понимания того, что человек – только малая часть этой природы, и он должен осознавать это всю жизнь и в любых обстоятельствах.

Итак, в путь!..

Первая тетрадь

29. X.1972

Готовимся. Авантюра полная. Мало что продумано. Идеологическая сторона дела освещена и подготовлена, то есть сделано все, что им необходимо для «галочек». Все остальное же брошено на произвол судьбы. Вымпелы есть, альбом есть, формально «есть все», нет только того, что необходимо делать, прилагая усилия. Митинги же и тому подобное «на высшем уровне».

29. X.72

Стадион. Торопливый лживо-формальный митинг. Холодные, фальшивые речи, напутствия. Стадион пуст. Холодно, солнце, страшный ветер. Хочется пить. Фоторепортеры, хроника.

29. X.72

Елизово. Приехали. Никто ничего про нас не знает. Поели пельменей, легли спать. Вечером пригласили на комсомольское собрание, посвященное дню рождения комсомола. Тоска зеленая. Еще раз убеждаюсь, как официоз и фальшь чудовищно выжигают вообще все человеческое. В гостинице по трансляции, т. к. она принимается через спутник, то и дело (возможно, совершенно случайно, но очень отчетливо) слышим позывные, а затем голос: «Вы слушаете «Голос Америки» из Вашингтона».

Вечером сидели, Косыгин рассказывал трогательные истории. Милый человек. (*Владимир Косыгин – корякский поэт, литературный псевдоним – Каянта. – Современный комментарий автора.*) Рассказал о пастухе, герое соц. труда, который поехал на сессию Верховного совета, а вернулся в майке.

Еще один такой же человек приехал в Москву. Вернулся и говорит: «Некультурные люди в Москве живут. Я со всеми здоровался так, что язык распух, а со мной никто!»

Дело в том, что у коряков принято здороваться с любым встречным.

.....

Группка «не бей лежачего». Посмотрим, что будет дальше.

30. X.72

Позавтракали. Москва (*по радио. – Современный комментарий автора*) передала о нашем походе, назвав нас краеведами, комсомольцами, чуть ли не юными натуралистами.

Косыгин вчера попробовал гранат. Никак не мог понять, что это такое. Удивился очень. Ел его первый раз в жизни.

30. X.72

Райком комсомола. Увидели свою программу встреч и мероприятий в Елизово. Огромна и бессмысленна. Дело в том, что люди-то относятся к нам как к жуликам, а нас собираются

водить по улицам, как того слона, которого делают из мухи. Хотя, в сущности-то, всем на нас наплевать. Кто мы, что... никого это не интересует. Сгоняют людей в зал, и они тоскливыми глазами глядят на нас так, что стыдно становится.

Логически доказал секретарю порочность этих мероприятий. Сократили.

Были в школе. Клуб краеведов. Как всегда – старожилы, пенсионеры, пионеры. Но дети слушали с интересом. Все смотрел на них и думал: «Где же, в какое время их детской жизни они теряют веру? Становятся циничными и равнодушными ко всему? Где тот рубеж, на котором ложь и равнодушие перетягивает чашу весов в их сердцах?»

Потом нам дали список вопросов, которые мы должны были задать детям, а они должны были на эти вопросы ответить, так как еще за несколько дней до встречи выучили свои ответы наизусть.

Одна девочка полезла вне очереди – потянула руку, и вожатая стукнула ее по руке...

Искусственность всего. Железобетонная форма и серо-бумажное содержание. Ни одного живого, человеческого взгляда. Сонные мозги. Пионервожатые и учителя навязывают этим детям свою волю, выдавая ее за независимую волю тех, кому они ее навязывают. Искусственность, «внешность» и холодность.

...Мучаюсь от обязанностей спецкора. Чувствую себя от них не в своей тарелке.

31. X.72

День солнечный, как в апреле. Но морозный.

Приехали киношники. Снимались. Профанация, конечно, все, но ребята милые. Потом – все по старой схеме. Ходили, бродили, «работали»...

Кончил очерк. Не знаю, что получилось...

Вечером выступал в совхозе птичников. Клуб приличный. Организовано же все чудовищно, как, впрочем, и всегда.

Парторг – тонкогубый человек, с близко и глубоко посаженными глазами, маленького роста. Физиономия отвратительная. Так и хочется по ней съездить. И главное, ни за что совер-

шенно! Просто так. Вот бывает же! Видишь лицо, и... ничего вроде плохого тебе обладатель данного лица не сделал, а так и хочется в эту харю заехать, да побольней. Беда просто.

К концу своего выступления зал я раскачал все-таки, но диплом показывать не стал, не заслужили – и собирались долго, и раскачивались. Пообещал, что приеду в другой раз, если позовут... Позвали.

Вечером поужинали, выпили по 150 граммов водочки.

1. XI.72

Голова побаливала. Пошли на прием к первому секретарю райкома партии. Обаятельный человек, мягкий, искренний, красивый. Вообще, чем выше должность, тем симпатичнее ребята. По крайней мере здесь, на Камчатке. Но среднее звено!.. – ох, рутина, гниль, пакость, снобизм.

Второй секретарь райкома – улыбчив, хитер, пробивной неистово. Делает все не отходя от стола и мгновенно...

Поглядываю на карту – и берет оторопь. Что же нас там ждет впереди?!.. Под 60° ниже нуля, пурги, собаки... и что еще?

Потом пошли домой. Да, в райкоме подарили нам транзисторный приемник. Это они молодцы.

...Работал, отправил материал в газету. Потом заходили в школу, где нам обещали переснять фотографии... В учительскую я не пошел, остался в коридоре. Стоял, и пронзительное чувство охватило меня. Началась перемена, и дети высыпали из классов. Мальчики и девочки – такие разные, такие трогательные. Смотришь на какого-нибудь парнишку – и совершенно точно можно представить себе его, когда он будет взрослым, или девочка – лет четырнадцати – уже маленькая женщина, идет, походка маленькая, головку несет ровно, щеки румяные, носик вверх, так и знает, что смотрят на нее. Бегают дети, возятся, пирожки жуют, новостями делятся, конфетами... – замечательно!

Потом мылись в душе общежития, обедали. Ходили к второму секретарю. Вечером выступал перед полком морской авиации. Выступалось трудно. Устал.

Да, вот уже третий день хочу написать о нашем шофере, да все забываю. Это «голый комплекс». Верней, клубок комплексов. Водитель он хороший, можно сказать, ас. 23 года. Ущемлен страшно своим положением шофера, хотя никто никогда ему повода для этого не дает. Но он ведет себя подчеркнуто развязно, а машиной управляет все время на грани риска, то есть если обгоняет, то зазор между машинами – два пальца, если гонит, то не менее 120 км/ч. За рулем он просто упивается мгновениями, когда «с цепи спускает» свои комплексы и рассчитывается с нами за все сразу. Тут уж он, Толя, дает себе волю и ликует внутренне, видя, как зеленеют от страха его пассажиры.

2. XI.72

День был странный. Утро хлопотное – искали спирт, доставали всякие продукты, мясо, соусы... Словом, делали все то, что необходимо было сделать не нам и много раньше.

Если бы не Санталов, второй секретарь райкома, пришлось бы нам туго, конечно.

Потом, после долгих сборов, записывались для радио Москвы. Много хотел сказать, но зажался, все растерял, и получилось комкано и плохо.

Выехали вместе с журналистами и Санталовым – они решили нас немного проводить, заодно и шашлык сделать. Выехали. Остановились. Сделали. Выпили.

Перед этим рубил дерево. Живое рубить было жалко. Увидел погибшую большую ветку, залез высоко с топором на березу и рубил долго. Все проклял. Подумалось, что ведь такая это

ерунда и для такого праздного дела, как шашлык, а как тяжело и надоедливо, а что ж если вот так – в тундре один и собьешься с пути?..

Врезали здорово. Косыгин – тонкий, поэтичный человек, говорит умно и талантливо. Явный самородок...

Тогда-то с удивлением я вспомнил, что мы в милиции забыли наши карабины!.. Поехали в милицию. Зашли туда все «под сильной банкой»...

Начальник милиции называет себя «начальником полиции». Достали бутылку водки, вылили всю ее в кубок, который милиция получила за что-то. Двинулся кубок по кругу. Каянта стал читать стихи и танцевать. Ночь уже, милиция полна бичей и каких-то субъектов, а поэт читает нараспев стихи, и все слушают... В дверь ломаются просители, их не пускают... Странное зрелище.

Да, до этого днем видел в пельменной одну девочку, она выписывает чеки и деньги получает. Удивительное лицо, глаза глубокие-глубокие, голубые. При этом смотрит на всех, как на людей, которые стремятся ее обмануть, но знает, что этим смешно, и – где-то в глубине себя – сама себе улыбается.

Наконец отбыли. Каянта в машине поет. Да проехали немного – машина сломалась. Чинились. Все это время перед фарами Каянта танцевал корякские танцы...

Приехали в Начики. Это санаторий на горячих источниках. Поместили нас в физиокабинет, дали по одеялу, и все. Главврач хотел было Балаяна – как коллегу – и меня устроить куда-то в местечко получше. Но Каянта вмиг устроил бунт. Он был бухой и страшно возмущался: мол, Косыгин – все равно что Балаян, это всеми должно быть немедленно признано, не то он уедет!

Мы поспешили все уладить и отправились с Володей (*Каянта*) в уже неизбежный физиокабинет. Там стояло двадцать ванн, полных голубой горячей минеральной воды. Во всех кранах (в том числе в сортире) вода была горячая и газированная! Отопление санатория – от горячих источников. От Елизово это всего 60 км, но температура воздуха здесь –23 °С, то есть выше градусов на 30. Красотища неопишная. Снег кругом, много собак, но они не мерзнут, так как нежатся на крышках колодцев, теплых от горячих паров.

Спали в предбаннике, около ванн. Утром отвратительный крикливый голос, да еще с хохляцким выговором, нас разбудил. Это было 6.30 утра, плюс похмелье. Плюс огромная баба с огромной жопой. Ну, да бог с ней...

.....

Всю дорогу, пока ехали, думал о доме, о друзьях... Думал о том, что за мной, как разматывающаяся леска с катушки, тянется любовь всех дорогих мне людей, и она не оставляет меня даже здесь, на краю света.

Эта мысль меня пронзила и заняла на всю нашу дорогу до Начиков.

В машине Каянта рассказывал о корячке беременной, которая начала рожать и от боли упала лицом в костер, у нее лопнули глаза, и она родила мальчика, будучи уже слепой. Мальчик вырос и стал летчиком, потом попал в отряд космонавтов и в одном из полетов разбился. Урну с прахом прислали матери. Она ничего не могла понять и все бегала, слепая, почти обезумевшая, с урной праха своего сына... Так она никогда его и не видела.

3. XI.72

Проснулся с больными боками от жесткой кушетки и с ужасающей головой...

Красотища сумасшедшая. Собаки лежат на всех крышках канализации. Снег падает огромными лепешками. Тихо. Температура –5 °С. Хорошо. Ничего особенного не произошло пока. Позавтракали, устроились, пообедали. Потом сходили на почту, отправили письма.

Поработал. Некоторое состояние разброда и внутренней неустроенности...

Вообще, место это удивительное. Самое снежное на Камчатке. Стало быть, заваливает его снегом под крыши, а возле горячих ключей видна земля с жухлой травой, пар клубится, и от этого с крыш ближних домов длиннющие сосульки свисают, вонзаясь в сугробы.

В столовой – официантка, с чувственным скуластым лицом и изумительным голосом. Когда она произнесла первое слово, я вздрогнул и потом ждал с нетерпением, чтобы еще раз этот голос услышать. Что-то в нем волшебное, мелодичное, нежное... – трудно передать. Все, что она говорит, можно слушать без конца.

Вечером выступал перед отдыхающими. Ненавижу перед отдыхающими выступать. Сидят вялые и скучные, и нужно выкладываться. Клоуна им нужно...

Но потом принимали ванну. Вода минеральная бежит из крана, точнее – прямо из-под земли. Бежит себе, никто ее не подогревает. Просто вода вулканического происхождения. Это изумительно. Открываешь кран, и какая-то Божья Вода откуда-то льется...

.....

Над раковиной в общем туалете чистил зубы.

– Вы знаете, Сергей Михалков когда-то, в юности, был мой любимый поэт! – сказал мне срущий отдыхающий, который вчера побывал на моем выступлении. – Я многие его стихи знаю наизусть. – И начал мне читать отцовские стихи.

4. XI.72

Утром слышал, как женщины делают зарядку в коридоре.

Потом очень интересную беседу имел с тов. Сакеевым. Это корреспондент «Камчатской правды», специалист по рыбе. Он рассказал о совершенно преступном истреблении рыбы в Тихом океане, в частности, в Охотском море.

О том, что уничтожаются целые виды рыб. Что рыбаки ловят много, но улов не успевают обрабатывать и потому выбрасывают тысячи центнеров рыбы обратно. По технологии они должны с перегородками и льдом доставлять 450 центнеров рыбы, а они привозят 600 центнеров, у них не принимают, и остальное выбрасывается в море. Кроме того, сортность рыбы определяется по 10 штукам на выбор. От этого зависит выручка рыбака. Вот попадет случайно одна из этих рыб, с чуть подранной чешуей, все – 10 процентов идет 3-м сортом. Все зависит от приемщика, а жаловаться некуда, ибо рыбаки нарушают технологию, везя 600 центнеров вместо 450. Бывает так, что рыбаки скидываются и платят приемщику 1500 рублей только за то, чтобы он принял столько, сколько есть, и по той категории, какая есть на самом деле. То есть они доплачивают собственные деньги, чтобы получить то, что заработали по праву. Потери чудовищные. Около плавбазы стоят в очередь траулеры, чтобы отдать улов, но рыба портится, проще ее выкинуть и наловить новую. А другим плавбазам, скажем, Магаданской или Сахалинской, отдавать нельзя. Как так?! Почему?!.. А они другая область! Лучше выкинуть, но не дать им!..

И как это допущено, если государство-то одно?! Что же это такое?!.. Бывает так, что вынимают сеть, полную рыбных останков, скелетов и голов – следы работы одного из траулеров, выбрасывающего улов, и, может быть, этого самого.

Короче, все, буквально все направленно на обоюдное усложнение отношений рыбаков и государства. Но улучшения быть не может. Чтобы все это хоть как-то улучшить, нужно отказаться от системы очковтирательства, лжи, отказаться от выдуманных, внешних принципов и символов. Отказаться от идолопоклонства, от партийного язычества. Это причина бед во всех отраслях жизни нашей страны.

Дальше весь день работал. Выводя на бумаге строчки репортажей для «Камчатского комсомольца», чувствую себя равнодушным сапожником.

Вечером опять купались в минеральных ваннах. Ощущение совершенно божественное. Вообще, приехать сюда работать над чем-то настоящим – сказка. Ванны, снег, охота...

чтобы он принял столько, сколько есть и по этой ка-
тегории, так как есть на самом деле. Т.е. они догово-
рившись, совершили деяние, чтобы ~~за~~ похитить то,
что заработали по праву. Поэтому и обвинение.

Около плавбы сидят впереди курсеры, готовые от-
дать флюв. Им вьюх пористый, впрочем не вывешивать
и наловить пловца. А другие плавбы, сажая
всаженный на сахалинской одежде пловца.
Как же так?! Они же другие обиделись! Ручьи вывешивать,
но не дают им. Выходит-то одно, что не это
такое? Плавбы так, что вывешивать себя, колючу
одежду, сажая и голов, сажая, работы одной
из плавбы, входить в воду, в море,
быть именно этого же самого.

Короче все, буквально все исправлено и
второе усовершенствование отношений рыбаков и мусульман
по улаживанию вышло из головы. Чинить же надо
кажд. как-то улаживать, нужно сейкары
от индий, отковитраны, кили, сейкары и

идеальных, вечных, принципов, символов, ситуаций
или идеологий, или партийности, социаль-политическо-
го принципа. Это причина бед во всех сферах жизни
нашей страны.

Фактически все уже сделано. Губительная связь между
существующим выбором на уровне системы и политическим
"Комитетом координации".

Воспринимать Кувандык в индивидуальном смысле.
Высказываясь совершенно однозначно. Вообще упрямый.
Слова редактор - скажи баналь, скажи, скажи.

Козлов с Борисом Михайловичем Соколовым и Александром
"и другими". Книга эта издавалась в Москве в 1913 году -
первое издание. Оказавшись мы в Москве на все
высшем издательском уровне от старой редакции в
2-3-5 раз. Единственным делом мы издательским кон-
тингентом по сравнению с 1913. году. В своем
мы объявляем Александром только на том же уровне саван
применениями и в конюхах, которые по разному употреб-
ляют.

5-11.72. Мозг и сознание, дух и душа. Не забываем,
стараясь держать душу. Делать все добрым
и чистым. Работать законно и честно. Любить и быть чужим
всех. Прислушаться к сердцу и разуму.
Тогда будет Небеса и мир на земле и в душе. Каждый из нас -

Странички армейского дневника Никиты Михалкова

Потом читали с Зорием «Социализм и капитализм в цифрах». Как ни странно, книга эта издана у нас и представляет собой уникальное явление. Оказывается, мы отстаем по всем отраслям народного хозяйства от стран Запада в 2–3–5 раз. Те единственные, с кем мы выдерживаем сравнение, это мы сами в 1913 году. А сейчас мы обгоняем Америку только по ржи, но зато сильно проигрываем ей в лошадях, которые эту рожь употребляют.

5. XI.72

«Мороз и солнце, день чудесный». Не завтракал, стараюсь держать форму. День был довольно насыщенный. Работал. Закончил статью. Потом главврач устроил обед, приехал Санталов. Целого поросенка зажарили. Пили водку... Потом пошли в гости к хозяину. Косыгин нарезался и все пел украинские песни. И приставал к жене главврача, похожей на жабу. Увели его домой с трудом.

Я принимал ночью ванну, один, а потом голый и чуть трезвый пересчитывал оставшиеся у меня деньги...

В туалете, уже в корпусе, два человека пили водку. (Я пришел туда чистить зубы и т. д.) Они были у меня на выступлении, привязались. Мне уже было все равно, и я махнул с ними полстакана... Кончилось тем, что один из них подарил мне тельняшку.

Лег спать.

6. XI.72

Господи, Господи, Слава тебе, Господи. Но по порядку...

День с утра был изумительный. Хотя встал затемно, так как поспорил с Зорием, что пьянка не мешает мне встать рано. Голова, честно говоря, болела. Сделал зарядку, от которой голова и вовсе кругом пошла.

Кончали статью для «Комсомолки»...

И вот опять... Опять не хватило дня. Эта женщина с изумительным голосом... Как она на меня смотрела!.. Женственная и нежная. Говорит: «Вы бы зашли ко мне на чай, я одна живу». Поговорили недолго. «Я, – говорит, – одна, не замужем. Был парень, но спирт его спалил. Я здесь работала, с вербованными. Он ростом был с вас. А мне тогда уже было двадцать четыре года. Ну, полюбила его, женщиной стала, забеременела и все такое...»

Прекрасно она говорила и просто очень. А мне уж уезжать пора...

Там и еще одна женщина была. В лиловых брюках, с удивительной улыбкой. Зашла к нам, звала на санках кататься. Словом, не хватило одного дня.

Выехали. Дорога жуткая. Лед. Голый лед. Наш закомплексованный водитель гнал, как всегда. Сердце замирало. В результате нас понесло. Кинуло туда, сюда... – и перевернулись.

Бог спас всех нас. На такой скорости могло случиться нечто чудовищное... Стекло боковое вылетело. Раму погнуло.

Поставили машину на колеса, поехали дальше. Не знаю, что меня удержало, чтобы не набить этому супермену морду. Но я удержался. Выпил спирту, и все.

Заехали к одному камчадалу, который знал что-то про отряд Чубарова. Старик пьян был в лоскуты, толку от него не вышло никакого.

Затем Зорий делал шашлык из остатков райкомовской свиньи. Шашлык был изумителен. Пока делали его (прямо на шоссе), ни одной машины не видали.

...Выпили спирта. Уже темнело. Когда тронулись, по приемнику поймали музыку. Странно это было и приятно – вдруг среди этих снегов и сопков, где-то бог знает где, после

того как перевернулись на льду, делали на морозе шашлык и спирт пили, – услышать хорошую музыку.

Рысь! Дорогу нам перебежала рысь! Я выскочил из машины с ружьем, едва не попав под колеса, но она уже ушла в тайгу.

Уже совсем поздно доехали до Милькова. Фонари, транспаранты – праздник. Устроились в интернате. Все в одной комнате. Дописываю строчку и иду пить чай.

Да! без стекла ехать было холодно – надел торбаза. Просто печки на ногах.

7. XI.72

Походил по интернату. Тут остались только те дети, которых родители не взяли на праздник домой. Маленькие, грязные, смешные дети бродят по интернату – большому и пустому...

Детей осталось мало, да покормить-то их нужно. Бабка-повариха им чего-то наварила, но работать ей, конечно, неохота – праздник. Сидят за столом с ложками, галдят, жуют, хохочут. Большинство косоглазенькие – коряки и метисы-камчадалы.

Выехали. Дорога жуткая. Лед. Голый лед. Наш закомплексованный водитель гнал, как всегда. Сердце замирало. В результате нас понесло. Кинуло туда, сюда...

Так вот, приехали в райком. Первый секретарь – женщина. Раиса Андреевна. Лицо порочно, склеротические жилки по щекам, курит «Беломор», видимо, пьет, но глаза хищные (должна любить мальчиков).

Нас пригласили на сцену, и началось это деревянно-картонное шествие. Выступления, лозунги... Потом девочки-школьницы долго высказывались о любимой партии, а лет им было всего-то по 9–10! Это было довольно странно, противоестественно и просто дурно.

Так трудящиеся демонстрировали свою солидарность и любовь к правительствам – своим, соседним и центральным.

Дальше – отправил телеграммы командиру, ребятам и другие более или менее «нужные» поздравления. Пришли обратно в интернат. И там опять по лестницам бегали немые дети родителей, которым их не отдают. А как отдашь, если их папки да мамы – пьяницы-бичи?

Обедали. Потом ушел читать Достоевского, и как-то опять меня он придавил слегка. Дурной ходил после этого чтения...

Да, забыл про Косыгина смешную историю записать. Когда мы уже уезжали из Начиков, он с вечера еще не протрезвел и очки потерял. Нам ехать нужно, а у него очков нет! Так он и ушел из корпуса без них... А потом сзади раздается разбойничий свист. Стоит баба на дорожке и в два пальца свистит.

– Вовка! – кричит она. – Оптику забыл! – и, хохоча и скрипя валенками, бежит к нему с его очками в руках. Видно, он у нее и ночевал. Хулиган.

8. XI.72

Утро началось тоскливо. Работал. Потом сидели в штабуправлении. Потом поехали делать шашлык. Все это уже довольно грустно.

Пристреливал карабин и, если честно, стрелял плохо. Давило, что вечером нужно будет опять выступать.

Приехали назад. Погладился... Выступали. Как ни странно, выступление прошло хорошо. Потом поехали в гости к Алле, завучу интерната. Косыгин там разошелся и рассказывал удивительные истории про свой народ. Истории пронзительные и трагичные. Во всех них звенит такой плач по народу своему, который и так дик, но жизнь его естественна, когда же

к этой его жизни прикасается картонная рука государства, начинается трагедия... Смешной трогательный народ, которому хотят привить социалистическое идолопоклонство.

Умершего знатного табунщика, Героя Соц. Труда, похоронить решили по народному обычаю, то есть сжечь. Приехал партийный работник, говорил речь, но, по советскому раз... байству, дрова привезли сырые, да еще и организовано все было эдак – с отношением как к черножопым. Ну, сложили костер из этих дров, сверху положили мертвого этого героя и подожгли. А дрова-то сырые... И утром собака таскала по поселку кусок ноги этого бедного пастуха.

И много таких историй рассказывал Володя. Страшная картина за этим вставала. Жуткая.

Или вот: один старик, сказав своим детям, что в будущем году умрет, стал готовить себе сухие дрова. Готовил, готовил, а потом леспромхоз приехал, да и увез их.

Или еще: управлять табуном может только династия, фамилия. Стало быть, если есть табун, водит его только одна фамилия – все родственники. А им приказали внедрить *почин Гагановой*, то есть передовому бригадиру переходить в отстающую бригаду. И как такое здесь возможно? Это все равно что назначить человеку отца, или жену, или брата.

И вот старый пастух, Герой Соц. Труда, приехал в чужой табун. И захирел там совершенно, так как не принимают его вовсе. На кошме сидит в углу, никто его не слушается и не слушает, да он и не смеет говорить ничего. Он гость – и к нему с уважением, но уж в семейные дела не пускают.

Все это так похоже на то, что у нас. В сущности, все одинаково. Народы разные, обычаи разные, но причинно-следственные связи совершенно идентичны. Любое насилие, любая акция государства без учета привычек народа, обычаев, сущности его естества – все это приводит к трагедии либо карикатуре.

Каянта рассказывал, как мальчика-коряка выгнали из интерната за то, что он под подушкой держал камень, рыбу и оленье ножи, из которых мозг сосал. Это его необходимость, а ему китайскую курицу дают в банках. А он ее не ест. Сидит, смотрит молча на всех и мечтает о рыбе и олених ножках.

Вообще, рассказы Каянты о своем народе пронзительны.

А потом пошел спор с нашим «комиссаром». Ох, какая же он гнида! Был он с женой – тихая моль. Окончил пединститут, проработал год учителем и бросил. Вообще бездарен и ленив. Но жить-то хотца. А куда у нас бездарному человеку, да еще бездельнику и демагогу? В комсомол. На руководящую работу.

Теперь читает лекции об империализме. Равнодушный, циничный, бездарный – и еще хочет казаться убежденным и искренним. Я его так к стенке припер вместе со всей его партийной философией... Он мне в ответ пытался доказать, что все наши беды от «плохих людей». Именно так и сказал: «Плохие люди нам мешают жить, а хорошие помогают!» И это – руководитель.

Смешной трогательный народ, которому хотят привить социалистическое идолопоклонство.

Теперь его мечта – поступить в ВПШ. К тому же он тихий завистник. Жена его теперь тоже бросает педагогику и переходит на комсомольскую работу. Мерзость какая! Тихие гниды, черви. Вялые, но убежденные трутни.

Пришли домой поздно – злые и веселые, по крайней мере мы с Косыгиным и Балаяном. Долго еще трепались. Косыгин вовсе разошелся и два часа читал мне свои дневники. Это хороший, трепетный мир, нежный и чистый. Но записан от чувственности торопливо, иногда не очень хорошо со вкусом.

Лег спать.

9. XI.72

Встал, сделал гимнастику.

Алла Васильевна. Завуч интерната. 25 лет. Экзальтация полная плюс комплекс провинциалки. Кажется, и не вполне нормальна. Во всем пытается доказать свою неслучайность в этом мире. Играет, хохочет, кричит. Самую простую мысль, банальную, пустую, высказывает с такой экзальтацией, хохотом, напором, что даже становится страшно.

Например, с криком и хохотом, буквально захлебываясь, может сообщить, что «Так хотела пить, что напилась компота, и теперь совершенно не хочется есть суп!!!» Болтает чушь без умолку. Пытается сообщить о себе самые разнообразные вещи, причем все одновременно: «Я вообще все время по телефону общаюсь! Ну, а как же? Времени-то нет: школа, интернат, вот родителям сейчас пойду дрова рубить, а как же? – я ведь спортом занималась, и первый секретарь райкома, она тоже занимается спортом, я ее знаю в лицо! Ну, а как же не знать? – сама мне партбилет вручала!..» И так далее, и все без умолку, тараторя, хохоча и вскрикивая.

Есть у нее дочь, очень капризная девочка.

Муж погиб. Алла говорит об этом так, «между прочим», но дает в то же время понять, что говорит так не от равнодушия, а оттого, что не желает распускаться и показывать на людях свое горе. Но именно этого-то ей больше всего и хочется. Чтобы слушали ее и жалели. Вообще, баба, конечно, несчастная. Много таких в России есть и было. Дочку свою любит очень, воспитывать не умеет. Чистоту возводит в культ, хоть сама и неопрятна.

Вечером нас повели на встречу со стариком, которому 82 года. Для Камчатки это все равно что на материке 150. Ужасно грустная была встреча. Дед еле слышит и чуть видит. Зубов почти нет, но память хоть и путанная, но светлая. Старый, трогательный, нищий дед. Забытый всем миром. Комсомольцы обращаются с ним как с «социалистической собственностью». Дед в 1923 году вывозил из Мильково командира Зенкова. Пока это единственный старик, который что-то помнит и может быть нам полезен.

Так вот – дед. Зовут его Кошкарёв Иов Пектович. На материке никогда не был. Паровоза никогда не видел. Был у него сын, в 1942 году он ушел на войну и не вернулся. Иов Пектович – дед одинокий, скромный и трепетный. С 1954 года он уже не охотился и не рыбачил, то есть практически потерял всякую возможность кормиться, ибо прежде жил только охотой и рыбалкой. Жена умерла. Никого на целом свете у него больше нет.

Привели старика к нам на встречу, на разговор. Ввели по коридорам райкома. Ввели в кабинет. Хозяина кабинета не было, и старика посадили в кресло, за стол, под портрет Ленина. Стол с сукном зеленым. Как это ужасающе, страшно и пронзительно! Старый, забытый всеми дед под портретом Ленина на месте второго секретаря райкома, в его кресле.

С 1954 года он жил на пенсию в 20 рублей. Сестра его 78 лет получает 30 рублей, да есть еще одна сестра, совсем слепая, 68 лет – та без пенсии вовсе (каких-то документов у нее нет). Вот так они и жили втроем, на 50 рублей. Молчал дед и не ходил никуда – так и надо, мол. Вот уж Россия-то: или бунт черт-те с чего, или всю жизнь добровольное рабство.

Старик говорит, бывали дни, когда в доме и хлеба кусочка не было. Нашли Иова совсем недавно, пенсию прибавили до 60 рублей. И теперь дед говорит: «Нынче все хорошо». Купили ему костюм, а он верхнюю одежду называет «лопатишка». Хорошую одежду не носит, говорит, что бережет – в гроб ложиться. Хочу, мол, лечь красивым.

Как же они живут, эти три полуслепых человека? Ухаживать за ними некому... И на все согласны. Что же это за нация – на все согласная?..

Дед глуховат, так что если не нужно, чтобы он знал, о чем при нем говорят, достаточно говорить как обычно, не повышая голоса. А он сидит и, как раненый селезень, головой в разные стороны вертит.

Если же циничным и самодовольным комсомольцам угодно поговорить с самим дедом, они покрикивают на него сквозь улыбки.

10. XI.72

Утром поехали к деду – снимать его. Он чай пил со старухами своими. Засуетился, задержался. Да, забыл сказать, «государство ему помогает», как он сам нам сообщил. Как коренному камчадалу, ему дано недавно право на отлов рыбы. И это он считает помощью! Ему ежегодно выдают бумажку, которой он вот уже с 1954 года не может воспользоваться, так как на рыбалку не ходит – сил нет. И ловить рыбу некому.

Сняли мы старика, поговорили. Он проводил нас до машины, пожал руки и говорит: «Спасибо, что как с человеком со мной обошлись». Я чуть не заплакал.

Потом должны были устроить шашлык для Софроновой – секретаря. Поехали в лес. Хороши контрасты.

Я сказал ей, что деду нужны сапоги. Обещала помочь. Вообще, все это не стоит того, чтобы описывать, вот разве что одна ее история: когда Софронова приехала сюда комсомолкой с длинными косами, устроилась секретаршей в райком. Машинисткой. Много было работы. Печатала целый день. А первый секретарь и председатель райисполкома все ею любовались и даже попросили ее, пока она работает, разрешить им расчесать ей волосы. Она разрешила. А косы у нее были до колен. Они начали расчесывать... Это же с ума сойти. Печатает машинистка. Ночь. Райком. Два начальника расчесывают ей волосы, и приемная полна девичьих волос. Кафка!

Поехали домой, но все же заехали к Алле Васильевне, которая, как я заметил, все время таращит глаза, чтобы они казались больше. Так вот, почему-то приехали к ней. Я был дурной и тяжелый. Все пили чай, только Косыгин несколько нарезался.

Потом мы вернулись, а Балаян пал. На летном поле под прожекторами лишил Аллу иллюзий. Утром представляю, что с ним будет. Я, честно говоря, таких баб боюсь, как огня.

11. XI.72

Так и есть. Балаян сидит, обхватив голову руками, и ждет прихода Аллы, как каторги. Это, конечно, начнутся многозначительные взгляды, томные недомолвки, вздохи и шепот на лестничной клетке.

За их отношениями наблюдаю с удовольствием. Балаян сам и хохочет, и страдает. Ох, и сволочи же мы!

Этот интернат меня допек. Мало того, что приходится все время заниматься какими-то дутыми цифрами и воспеванием советской власти, мало этого, так еще дети в коридорах сводят с ума.

Боже мой! Ну как же, как же возможно, чтобы из них выросли интересные или хотя бы приличные люди? Как они разговаривают друг с другом! Как они играют!.. Ведь никто ими не занимается. И точно так же, как на них рычат, вопят и орут воспитательницы, так и они орут, вопят и рычат друг на друга... Боже мой! Как же это возможно? Они все время варятся в собственном соку. Ни притока к ним, ни выплеска нет. Малограмотные няньки, полуграмотные дети. Какое уж тут образование! Какая уж тут смена...

Достали свежей рыбы. Балаян обещает кормить впредь ухой. Готовит пока он отлично.

Уху дочиста съели – изумительна. Потом Зорий, по общему нашему мужскому закону подлости, ушел к Алле...

Я сел на кровать и смотрел на фотографию Степана. (На этом фото моему сыну 6 лет.)

12. XI.72

Утром собрались, выехали из Милькова. До этого заходили в райком. Сафронова вручила нам второй приемник. Попрощались.

Наш «УАЗ» на вертолетной площадке. Ноябрь 1972 года

Улицы пустынные. Воскресенье. Поехали. Дорога здесь широкая, расширена для лесовозов. Кругом по обочинам выкорчеванные корни деревьев. Зрелище мрачноватое...

Едем и едем себе, потом «супермен» попросил меня его сменить. Ради чего, я понять не могу – то ли из-за того, что утром на него попер, то ли еще финт какой-то. Короче, дальше «УАЗ» повел я. Машина верткая... Попали в многокилометровый сожженный лесным пожаром участок. Страшное зрелище. Миллионы голых, торчащих в небо обгоревших палок.

Потом опять вел «супермен». Проехали Долиновку, Таежное... Остановились в Атласово. Поселок назван в честь казачьего атамана Атласова, приведшего на Камчатку своих людей. Поселок большой – около 1500 человек. Зона, эки. Здесь содержатся особо тяжкие преступники, которым расстрел заменили этим лагерем. Лесоповал.

Вечером выступали. Принимали хорошо... Где же это я теперь нахожусь? Куда это меня занесло?

13. XI.72

Снится дом. Почти каждую ночь сны уносят меня на материк. К милым моим друзьям, Андрону, маме, отцу, Степану. Удивительно – расстояние и время стирают все лишнее. И если

там, вдали, общение бывало омрачено чем-то, но в своей сути имело что-то доброе – здесь только это доброе в памяти и остается.

Или снятся страшные, кошмарные сны. В основном они связаны с армией: то я опаздываю из увольнения, то мне кажется, что я уже демобилизован и веду себя как демобилизованный, но тут оказывается, что это ошибка, и нужно начинать служить сначала. То снится какое-то начальство. Вот советский все-таки я человек! Снится начальство, а я в этих снах – какое-то хихикающее, уничижающееся существо. Вот уж отвратительно. Просыпаюсь в поту и ужасном настроении.

Вчера приснился вовсе кафкианский сон. Приснился Брежнев, но в виде женщины. Все как у него – и лицо, и брови, но только он – женщина. В женском костюме, в юбке. И я никак не пойму, как его называть. То ли Леонида Ильинична, то ли еще как?!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.